

Историческая справка (выдержки)

Настоящий текст воспроизводит беллетризованные записки бывшего второго штурмана межзвездного крейсера Головина Н.М. и не может считаться официальным документом, при этом ссылка на него, при любом виде и способе использования, обязательна, что обуславливается Законом об авторских и смежных правах. В связи со смертью автора и отсутствием наследников авторский гонорар в настоящее время не востребован.

Крушение спускаемого аппарата само по себе штука страшная. Впрочем, это я так, мягонько. Это самый настоящий ... (ненормативная лексика в тексте опускается) и не меньше. Это примерно так, как если бы ты, сняв номер в дорогом отеле на последнем этаже и сев там на горшок по большой нужде со свежей газеткой в руках, вдруг понял, что самый раззолоченный унитаз не просто принимает твоё дерьмо, а вдруг ни с того ни с сего начинанет засасывать твою ... в самое туда, в канализацию, ... и тебя самого, целиком. До самого модно напмаженного чубчика. С потрохами.

Не многим парням на нашей базе приходилось так падать, и, скажу честно, я им завидую. Нормальному человеку на ... не нужны такие ощущения. Не знаю, удастся ли после этого ужаса иметь детей, потому что... у меня еще долго трясся, как шенячий хвост. А уж когда мы шмякнулись, слегка смягченные парашютом и амортизирующими взрывами под днищем, то лично я чувствовал себя, как мешок с набросанными в него

костями и долго ощупывал себя, выискивая повреждения, переломы и ссадины. Болело все тело. Ко всему прочему большая часть аппаратуры вылетела на

Словом, ситуация наша такая. Корабль там, наверху, рассыпается на куски, мы тут, внизу, с разбитыми в кровь ... и мордами, почти без всякой жратвы и уж точно без связи. Но, когда мы выбрались наружу и почувствовали ветер, прошедшийся по нашим лицам, скажу без ... — мы были счастливы. Потому что живы, мать вашу! А когда Паша увидел летящего над нами самого натурального дракона, он начал ржать, свалившись на траву и колотя по ней руками и ногами. Да чего там, многих из нас тогда пробило. Живы!

И в честь этого, пользуясь правом первооткрывателей, мы назвали эту планету Живая.

Хотя потом у нас было много поводов усомниться в правильности этого наименования. Например, когда один такой дракон сожрал нашего Пашу прямо у нас на глазах. Препаршивейшее состояние. Вот ты стоишь, смотришь и ничего не можешь сделать. А эта тварь летит, уходя как заправский истребитель на солнце, держит в лапах твоего товарища и на лету — сволочь! — откусывает ему руку. Выстрелишь — гад вместе с Пашкой упадет либо просто скинет. Не выстрелишь — сожрет парня.

Потом, позже, Валерик Попов подстрелил тварь. Ту самую или нет, не скажу, не знаю. Но тоже вокруг круги нарезала, высматривала. Но это так, вроде местной экзотики. Хищники, они хищники и есть, какой с них, неразумных, спрос. А вот аборигены нам встретились лютые. Просто на всю голову отмороженные. С хищником ведь как? Пальнул в него, он и удирает со всех сил. Потому как жить хочет, это у него в башке крепко сидит, на первом месте. Жить, жрать и размножаться. Все! Ни морали, ни приказов, ни установок. У аборигенов же начальство с полным набором. Разумные же! Сапиенсы, с понтом.

В них палишь, а они у-лю-лю, у-лю-лю и прут, зве-

ри, копьями своими машут, орут страшно. И стрелы, стрелы. На психику давит. И ведь видно, что их жуть пробирает, только что не дрищут со страху, а прут. В кино я видел, что такое психическая атака или там кавалерийская. Ну, так, красиво. Страху-то нет. Кино! А тут... Им страшно, но прут на тебя, у меня поджилки трясутся, и тоже разве что в портки не делаю, а стреляю. Нам отступить-то некуда. Совсем. Мы как обреченные на этой планете, которую по собственному щенячьему восторгу Живой назвали. Как только все там не полегли? Вот так вспоминаешь и сам себе диву даешься. И мурашки по хребту ползают. Особенно ночью, когда приснится. Моя говорила, что первое время я во сне орал.

Но потом ничего, устроились как-то. И с местными контакт нашли. Силу-то они уважают. Тоже, надо сказать, вовремя. Ведь у нас с собой не арсеналы с разносолами, всего-то аварийный комплект. Ну еще так, прихватили кой-чего с собой, сколько времени и места хватило. Эвакуация хоть и экстренная, но наша ласточка хоть и пальцами деланная, но толковыми, не для... заточенными.

Наш Коля молодчиком оказался, настоящий мужик. Хотя при той нашей, мягко говоря, посадке, много аппаратуры натурально загнулось, но суперлинг каким-то чудом выжил. С его помощью наш новый командир и наладил контакт. Ну, там, типа боги или посланцы богов. Короче, навтыкал им морковки по самую ботву. Поверили, нет — не знаю. Тьма полная. Но начальники ихние как бы прониклись. А может, так, к глотке подбирались. Оно ж как? Друзья, друзья, а потом в кадык — раз! Могло и так развернуться.

Только у нас фарт пошел. Судьба не рыба, не обманешь. По совести-то говоря, фарт оказался такой, с душком. Через кровь, через трупы. А привкус крови на твоей удаче штука такая, я тебе скажу — у-у! Аукнется. Это правило, аксиома. Сколько нормальных, правильных парней на этом погорели — ужасно вспоминать.

Кровь-то она сдачу завсегда дает, тут не обманешь. Так вот. Ну и у нас тоже не без этого.

Оказалось, что капитан наш, пусть в райских кушках у него будут самые лучшие бананы, лучшие бабы и вкусная выпивка, пока мы вокруг катера нашего суетились, будто щенки обделавшиеся, сумел наладить SOS. Дураку понятно, что на нашей галоше нормальной связи нет и никогда бы не было. Дорого, ети их! (Данное архаичное ругательство, в обиходе практически потерявшее свой первоначальный смысл, цензурная группа посчитала возможным к воспроизведению в открытой печати.) Но все это время, пока мы, как крысы, бежали, ... свои спасая, кэп работал на наше спасение, рассылая все и всякие виды сигналов. Где мы, что мы, как мы, как глубоко мы попали в самую огромную... большого космоса. Светлая ему память и первая стопка на любом застолье за него. Мы хоть баб нормальных увидели и водку нашу, которую я до того и за питье не считал. Домой вернулись. Кэп, за тебя!

В общем, чего тут особо рассказывать? Все известно. Транспортник Управы на выходе из промежуточной дыры этот сигнал засек, а потом началось все то, чего вы и так знаете. Эвакуация, маяк на Живой, все дела. Нам, само собой, премия, наградили опять же. Капитан погиб геройской смертью, спасая экипаж, мы тоже себя проявили. Колянч спился на Но нам — за беспредметное мужество и очковый героизм. Получите! Носить в носу по четвергам и пятницам в темное время суток. Такая, ... , жисть. Без бутылки не разберешься. Но мы живы!

Справка. Головин Н. М. и вся его семья погибли в результате взрыва магистрального газа в собственном доме. Виновные в связи с сильными повреждениями имущества не установлены, и установить их не представляется возможным.

ОО (Особые отметки). Материалы по данному происшествию хранятся в архиве УТП. Гриф: «Оперативная сохранность».

Глава 1

ДВОРЕЦ

Выход из переулка, по которому он шел, оказался перегорожен арбой с наваленными на нее мешками, да так, что не обойти, только проползти под ней, и возницы видно не было. Паки́т крикнул: «Эй!», но никто не отозвался на его призыв, только из открытого окошка над его головой раздался звон металла. Наверное, женщина, испуганная его криком, уронила поднос или тазик для умывания. Тогда он ухватился за край арбы и одним прыжком оказался наверху поклажи. Теперь стало видно, что в арбу впряжен вислоухий мул, изможденный до того, что можно было разглядеть каждую косточку его скелета. Перебравшись вперед, Паки́т отвязал веревочные вожжи — все в узлах, замызганные и растрепанные, — и хлестнул ими по провисшей спине мула. Тот вздохнул и, не оглядываясь, напрягся без видимого успеха. После второго удара он сделал движение, будто хотел вырваться из опостылевших оглоблей, этого ему не удалось, зато арба стронулась с места, отчаянно скрипнув колесами. Паки́т, сидя на мешке с зерном, испытал злое удовлетворение. Селянин, приехавший на базар, будет долго помнить, как неудачно он поставил свою колымагу.

Вдруг он почувствовал, как кто-то схватил его за ногу. Рядом с арбой семенял немолодой крестьянин, что-то поспешно прожевывая и умоляюще глядя на

него снизу вверх. Наконец отчаянным усилием он проглотил, так что комок прокатился по горлу, а плечи поднялись до ушей, и сразу, без вздоха, запричитал:

— Пощади, господин! Пощади!

Пацит всмотрелся в его загорелое лицо, изрезанное светлыми нитками морщин, и смилоствился. В сущности, не его это дело воевать с землепашцами, которые откликнулись на призыв властителя везти припасы в столицу, где сейчас скопилось много войска. Но тем не менее решил проучить бестолкового, преградившего путь дворцовому воину. Натянул вожжи, заставляя мула остановиться, и грозно спросил:

— К смотрящим захотел?

Крестьянин отчаянно замотал головой, продолжая твердить свое: «Пощади».

— Гляди у меня! — сурово пригрозил Пацит, бросил вожжи и легко соскочил на землю, в прыжке успев толкнуть недотепу ножами своего кривого меча так, что тот едва не опрокинулся навзничь. И пошел, не оглядываясь, когда за его спиной раздался раскатистый смех, похожий на ослиное ржание. Пацит остановился и гневно оглянулся. Но источником смеха был явно не крестьянин; тот суетливо возился с перепутавшимися вожжами, вжав голову в плечи и боязливо озираясь. Тогда кто посмел смеяться в спину дворцовому воину?!

Здесь, в двух шагах от базара, было полно харчевен, запивочных и едален. Больших, маленьких, совсем крошечных, даже просто столиков с разложенными на них кусками вываренного в масле мяса и горками полусырых подсоленных бобов, после которых страшно хочется пить, для чего здесь же, в шаге или двух, предлагался кислый лум, разлитый в высокие медные и глиняные кувшины, после которого сводит челюсти и хочется напиться просто воды, которая здесь тоже продается. Навесы, столики, запахи, ровный гомон, перемежаемый выкриками торговцев, и ароматы, ароматы, от которых хочется есть независимо от того, сыт ты или только что с набитым брюхом выполз из-за стола.

Источник неумеренного веселья обнаружился под полосатым навесом едальни, лежащим на тюфяке из конского волоса рядом с низеньким столиком, уставленным глиняными тарелками с едой. Да он и не скрывался. Какого дьявола скрываться командиру роты Синих! Он ржал и приветственно махал рукой, подзывая Пакига.

Тот, оглянувшись на восьмигранную башню Тюа, решил, что время у него еще есть, и направился к довольно ослабившемуся командиру Алкиа, приподнимающемуся навстречу.

Их наручи привычно стукнулись, оба воина подержали друг друга за локти в приветственном жесте, и Пакиг сел на услужливо подставленную служкой низенькую табуретку, покрытую волосяной подушкой. Скрестил ноги и поправил улегшийся на землю меч.

— Здорово ты этого деревенщину, — довольно объявил Алкиа, кидая в жадный краснотупый рот вываренную в горчичном масле фасолину.

— Так ему и надо, сиволапому.

— Поешь?

— Нет, сыт. Да и спешу, — не очень осмотрительно обмолвился Пакиг.

— Служба?

— Начальник стражи вызывает. А ты как здесь?

Синие, как и другие роты, охраняли каждая свой участок городской стены, башню — одну или две — и ворота, если таковые имелись. Соответственно контролировали и прилегающие к ним кварталы. Там у них были казармы, у офицеров дома, там они предпочитали столоваться и проводить свободное время, без нужды не суясь на чужую территорию. Не то чтобы это было рискованно, но, учитывая, что каждая рота ревностно относилась к неприкосновенности своей территории, инциденты все же случались. Здесь же была территория роты Львов, с командиром которой у Алкиа были не самые дружеские отношения; в прошлом году они повздорили из-за одной танцорки.

Командир Синих быстро оглядел улицу.

— Да вот, послы тут интересные через мои ворота прошли.

Пацит кивнул. Послов в последнее время было действительно много. Их появление служило явной приметой того, что назревают серьезные события. Впрочем, это ни для кого уже не было секретом. Да и какой может быть секрет, если в городе и под его стенами полно солдат, собранных со всей страны, на расстоянии двух дневных переходов разбили лагерь степняки — об этом открыто рассказывали торговцы, ведущие в город караваны с товаром и припасами. А дальше, в предгорьях, — это знали немногие — собиралось войско горцев, тайно собиралось, без шума. И — Пацит это тоже знал — пока было не очень понятно, на чьей стороне они выступят. На стороне властителя Маришита или же пока еще его сюзерена императора Юлита. Шли тяжелые переговоры. А в городе царило то полуистеричное оживление, которое появляется всегда, когда в ближайшем будущем ожидаются боевые действия, когда обилие военных означает подъем торговли, когда сам вид этих военных вызывает страх пополам с надеждой на перемены к лучшему, но какому точно — неизвестно, и оттого делается еще страшней и веселей. Напряжение было как перед грозой, которая не то напоит землю долгожданной влагой, не то сметет посевы и жилища полноводными потоками, унося людей и скот.

Пацит из вежливости к хозяину стола положил в рот одну за другой две фасолины, разжевал их и благодарно склонил голову. Пора было идти во дворец.

— Благодарю за приглашение за твой стол.

— Пусть всем нам будет, — скороговоркой ответил Алкиа ритуальной фразой. — Заходи вечером. Сегодня жалованье выдают. Большая игра намечается.

— Зайду. Если начальник стражи работенки не подкинет.

— Это да, это запросто. Служба. Ну, освободишься...

— Увидимся, — вместо прощания сказал Пацит, поднимаясь.

Тень на башне Тюа переползала на грань Мышь. Надо было спешить.

Арбы селянина видно не было. Зато на ее месте стоял смотрящий с дубинкой в руке, похлопывая ею по ладони и хозяйски оглядывая улочку. Торговцы, встречаясь с ним глазами, угодливо улыбались. Заметив дворцового воина, страж порядка поспешно отвел взгляд и вразвалочку двинулся к лавчонке, хозяин которой громко, напоказ, ругал своего работника.

Выходить на торговую площадь Пацит не стал. Не потому, что тамлюдно и шумно. Просто он не собирался входить во дворец через главные ворота, через которые выезжал к своему народу владыка, а к нему под алчущими взглядами толпы приходили послы и большие вельможи, которым такие взгляды всласть. Большую часть времени ворота бывали закрыты, и перед ними стояли суровые стражники с длинными пиками и широкими мечами, одним своим видом отпугивая любопытных. Обогнув торжище по проулку, Пацит вышел к боковым воротам, называемым Черными. Вот тут-то кипела настоящая жизнь. Входили и выходили люди, большинство с оружием, проезжали повозки с провизией, шмыгали служки, проносились гонцы. Здесь все были свои, дворцовые.

Начальника дворцовой стражи он нашел в караульном помещении, с сосредоточенным видом рассматривающего амуницию новобранца, призванного на службу третьего дня. Одежда и доспех сидели на парне колом, словно с чужого плеча, хотя за это время все ему должны были подогнать. Впрочем, так бывает почти всегда, исключения редки. Сам Пацит, когда впервые надел форму, чувствовал себя в ней так же, как, наверное, чувствует себя угорь, попавший в горшок, где из него собираются готовить суп. Тесно, непривычно, неудобно, жестко и еще страшно. Гордость и радость, ко-

торые в первое время испытывает новобранец, в эти моменты уходят в тень.

Оглянувшись на вошедшего, начальник стражи сказал, обращаясь к новичку:

— Десять кругов по плацу. Рысью. Потом подойдешь к десятнику. Он покажет тебе упражнения. Скажешь, я велел. Ну, и чего так долго? — спросил он уже у Пакиита.

— Мышь еще не потемнела, — ответил осторожно, вежливым тоном, как то подобает в разговоре со старшим.

— Поговори мне тут. Пошли. А ты чего стоишь? Бегом!

Новичок, как подпаленный, рванул наружу и, когда они вышли следом, он уже бежал по внешнему краю плаца, в центре которого полтора десятка воинов упражнялись на манекенах и между собой.

Миновав вход на детскую половину, они вошли во дворец через дверь, за которой начинались помещения слуг. Не потому, что они не могли бы пройти через парадный вход, который так прельщает новичков. Просто так было ближе или же у начальника дворцовой стражи на то были свои соображения. Пакиит, шедший следом, спрашивать не стал, даже и не думал. Как не особо задумывался и о том, для чего он потребовался и почему два дня назад ему дали отпуск, чтобы он мог развеяться в городе, попить в свое удовольствие («Без этого, без надрыва чтоб!»), пообщаться с девицами, выспаться на мягкой перине, помыться в бане, вкусно и разнообразно поесть и вообще отдохнуть. Он воспринял это как поощрение за хорошую службу и не видел в этом ничего необычного. Подобное случалось в гарнизоне не часто, но и особой редкостью тоже не было, и таким счастливчикам все завидовали. Это было одним из поощрений, которые во дворце практиковались. Впрочем, наказания практиковались куда шире.

Обогнули внутреннюю конюшню, где в специальном отсеке жил Музр, личный дракон властителя, ред-

кой белой масти с голубыми ногами и кончиками крыльев. Кроме расцветки Музр отличался необыкновенными размерами, он был больше, чем любой из драконов императора. Поднявшись на второй этаж, миновали комнаты, в которых сидели писари и учетчики. Потом, пройдя стражу, вошли в покои властителя. Занимали они большую часть дворца, но бывали здесь немногие. Пацит тут бывал неоднократно. Потому что он — дворцовый воин! Какой-нибудь пузан, под чьей рукой целая провинция, а за плечами длинный список предков, которые где-то там, давно и далеко, могли приходиться родичами властителю, во сне и наяву мечтает вот так, запросто пройти здесь, но — нет. В лучшем случае пригласят такого в тронный зал, допустят упасть перед властителем на колени и поцеловать его перстень, а вот так — никогда. Потому что за спину к себе властитель допускает не всякого.

Они шли и шли. Даже со стороны дворец из розового камня кажется большим, а внутри он просто огромный. Залы, коридоры, переходы, лестницы, двери, залы, балконы, комнаты и комнатухи, потайные закрома, где хранится казна и ценные трофеи, гарем. Да одна конюшня чего стоит!

— Здесь жди, — велел начальник стражи, открывая дверь и останавливаясь на пороге.

— Кого?

Пацит мельком глянул через открытую дверь, и мурашки прошли по его спине. Здесь он был только один раз. Боевой зал!

— Жди! — нажал голосом главный страж и с гримасой недовольства на лице зашагал прочь.

Пацит огляделся. Кроме него, в зале никого не было. Вдалеке затихали шаги удаляющегося начальника стражи.

Он осторожно, скользящим кошачьим шагом двинулся к стене справа от себя. Здесь висели длинные двуручные мечи, грубые, с зазубренными клинками, с истертыми рукоятками и обшарпанными ножнами, по-

вешенными крест-накрест. Больше ста лет назад их взяли в битве у озера Уор, где были убиты сотни галапов, вознамерившихся захватить Ширу. Выше — щиты со звериными мордами, иссеченные, исхлестанные. Галапы были сильными воинами, и победа над ними — настоящая честь для властителя. Панцири из бычьей кожи с железными наплечниками, длинные и прямые, как иглы, кинжалы, пояса с тяжелыми золотыми и медными бляхами — все это достойные воинские трофеи достойных противников. Дальше висели луки из рогов горного быка, маленькие, но мощные. Длинные кривые кинжалы, усыпанные самоцветами. Боевой арбалет с каменным прикладом, расписанным магическими знаками. Длинные пики конников со значками военачальников. Высокий шлем с золотыми картинками по краю. Набор сабель изумительной работы с чеканкой по стали. Невероятной красоты меч, инкрустированный серебром. Огромный лук стрелка дракона с множеством зарубок, свидетельствующих о победах его обладателя. Цельнокованный серебряный панцирь со знаками верховной власти. Палицы дикарей, истертые до того, что казались полированными. Священный боевой двузубец с огромным семиграннным камнем, вправленным в древко. Боевой молот из черного камня. Набор отравленных стрел с красным оперением. Медные поножи, разрубленные пополам. Короткие злые кинжалы, украшенные камнями. Драгоценная булава, знак высшего воинского достоинства. Охотничьи ножи, каждый из которых хотя бы раз побывал в теле ценной добычи. Шитое золотом полотнище флага с неизвестными буквами по синему полю. Убранное белым кованым железом седло дракона, пробитое тяжелой стрелой защитника Ширы. И рядом — победное ожерелье из когтей убитого дракона. Потемневшие шпоры императорского конника, на каждом зубце которых вычеканено заклинание. Не помогли заклинания. Парадные щиты со страшными ликами. Кованые стремена. Шипастые собачьи ошейники. Широкие палаши с изо-

гнутыми лезвиями. Волосяные нагрудники кочевников все в бронзовых пластинах. Короткие широколезвенные копья, разящие не хуже меча. Литые наличники варваров, не пожелавших их даже отполировать, грубые, как их хозяева. Боевой царский посох с кованым наконечником. Длинные стилеты, которые носят в рукаве. Удивительной работы священные обручи. Походная царская корона тонкого литья. Полное вооружение тяжелого конника — подарок властителю. Драгоценные седла с позолоченными кожей и стременами. Парадные топорики с серебряной насечкой. Огромные секиры с гранеными древками. Боевые кнуты кочевников с тяжелыми бронзовыми шишками на концах, способные проломить череп человеку или сбить с ног лошадь.

Все это было захвачено в боях, поднесено данниками или послами, получено в обмен на знатных пленников. Это было видимое, зримое воплощение славы Ширь, да будет побеждать она тысячу лет.

— Любуешься? — спросил его из-за спины знакомый властный голос.

Пацит стремительно обернулся, отрываясь от чудного зрелища. У двери, ведущей во внутренние покои, стоял властитель. Резко бросив вниз подбородок, дворцовый воин опустил на одно колено. По правилам воин не должен опускаться на колени ни перед кем, даже перед своим владыкой, потому что дело его — стоять непоколебимо, как скала, не склоняясь ни перед кем. Но иногда, в знак особого уважения к властителю, ближние воины позволяли себе такой жест великого уважения, рискуя нарваться на недовольство. Сегодня недовольства не было.

— Встань, встань, Пацит. Не заставляй меня нарушать мои же законы. Ты не раб и не торговец. Пользуйся своей привилегией, не так уж и много их у моих солдат. — Маришит помолчал, погладил крашеную бородку, улыбнулся и наконец проговорил: — Но за преданность спасибо.

— Служу властителю!

— Вот для этого я тебя и позвал. Мне нужна твоя служба. Особая служба.

— Я готов.

— Не сомневаюсь. — Властитель снова помолчал. На этот раз в его молчании чувствовалось некое значение. — Пошли со мной.

Идя по коридору, Пакит испытывал редкое волнение. Так он, пожалуй, еще никогда не волновался, разве что тогда, когда проходил испытания, после которых его приняли на службу во дворец. Он уже много раз видел властителя и не испытывал былого трепета, тот даже дважды заговаривал с ним, как и с другими дворцовыми воинами, тем самым демонстрируя им свое личное расположение. Да и как иначе, если они — те, кто всегда, круглые сутки, день за днем, год за годом защищают его жизнь, стоят у него за спиной, охраняют его покой и покой его семьи. Но чтобы вот так, чтобы властитель удостоил его личной беседы, больше того — личного поручения! Такого не бывало. Это особая честь, достаиваются которой немногие. Избранные! Властитель выделил его из всех, его одного, и удостоил личного поручения. Его, всего лишь старшего двойки. Даже не десятника.

Они прошли по широкому парадному коридору, миновали стражу — краем глаза Пакит заметил удивленно-завистливое выражение на лице правого, краснощекого Иеды, родом из речной деревни, уже десятый год служившего во дворце, но так и не поднявшегося выше старшего двойки. Будет теперь разговоров в казарме! Повернули, выходя на наружную галерею. Тут дул легкий ветер и было прохладно.

Властитель подошел к каменному парапету и уперся в него ладонями.

— Иди сюда. Смотри.

Пакит остановился в полшаге от властителя и посмотрел туда, куда указывал его могущественный господин.

Здесь был самый глухой уголок дворцовой территории, люди предпочитали обходить это место стороной. Даже стражники, которых назначали на этот пост, считали это чуть ли не наказанием, хотя по сравнению, скажем, со стоянием на воротах здесь было тихо и спокойно. К счастью, пост здесь выставлялся не часто.

Внизу находилась восьмигранная черная пирамидка высотой не более чем в два человеческих роста. Она стояла тут с незапамятных времен. Она была, когда самого дворца не было и в помине. И, как говорят, не было бы, если б не она. Это была самая маленькая молельня в Шире, а может, и не только в Шире, не считая домашних, которые крестьяне строят из камыша рядом со своими убогими хижинами. Но по сравнению с ними это было как двуручный меч против швейной иголки.

Во дворце рассказывали, будто по ночам по ее граням ползают невиданные огненные червяки, а у людей, оказавшихся поблизости, при этом дыбом встают волосы. Один страж будто бы попытался поймать огневика, почти схватил уже, но тот прыгнул на него и так укусил, что неразумного отбросило на несколько шагов, а пальцы почернели и кожа полопалась, так что копые он уже не мог держать, потому из дворца его убрали неизвестно куда. Говорили, будто еще не так давно с крыши дворца сбрасывали на пирамиду провинившихся и острая, как копые всадника, вершина испарывала упавшее тело, разрывая его на части. Впрочем, старики пугают молодых и не такими страшилками, например про крыс размером с лошадь, которые живут в подвалах дворца. Даже дыру показывали. Молодые верили и по ночам, обходя территорию, чутко прислушивались к каждому шороху, а не кемарили, приткнувшись в каком-нибудь укромном уголке. Говорили также, что эта пирамида доверху наполнена бесценными сокровищами, которые, запершись изнутри, перебирают алчные монахи. Но были и такие, кто утверждал, будто внутри ничего нет, совсем ничего, только черные стены и пара масляных светильников. Впрочем, никто

из рассказчиков внутри не бывал, в своих повествованиях ссылаясь на неизвестных или умерших, то есть на тех, кого уже невозможно было спросить.

Наверняка было известно, что иногда, всего несколько раз в год, а то и реже, в пирамиду входят четверо суровых монахов в торжественных лиловых одеждах, запираются изнутри и остаются там на некоторое время, на день или несколько дней. Откуда монахи появляются в Шире и куда уходят потом, также не было известно никому. Именно в это время около пирамиды выставляется стража.

Была она и сегодня. Двое стражников стояли неподалеку от пирамиды, укрывшись в тени дворца, и поглядывали по сторонам. Впрочем, особо смотреть было не на что; кроме стен и пустого двора да и собственных стражников, тут никого и ничего не было.

— Видишь?

Паakit осторожно кивнул. Видит, да. Только вот что именно? Переспрашивать он не решился. Властитель посмотрел на башню Тюа. Тень переползла на грань быка.

— Смотри внимательно, воин.

Паakit и без того смотрел во все глаза, даже подался вперед, но ничего пока не видел. Ничего кроме того, что и было до этого, — башня, два стражника. Он покосился на властителя, тоже смотрящего вниз. Смотрящего с нетерпеливым напряжением.

И вдруг — увидел.

Увидел, для этого стоило лишь правильно посмотреть. Это как в детстве, когда он с сестрой уходил на луг — одно из немногих сохранившихся воспоминаний додворцовой жизни. Смотришь на траву, и вроде ничего особенного не видно. Так, трава и трава. А потом вдруг раз! Кузнечик прицепился к травинке, выпучив глаза, зеленая гусеница выгнулась дугой, зависнув под листком, муравей тащит, пятась, засохшую соломинку. Все видно, стоит только присмотреться. Или как в поединке. Вон он, соперник, стоит перед тобой, опустив

руку с тяжелым мечом. Грудь в плотном панцире, глаза прищурены. Что от него ждать, как действовать? Ведь видишь его в первый раз. Кто кого? Но стоит присмотреться... Ноги тонкие, нервные, через кожу хорошо видны тренированные мышцы икр. Такой порхать будет как бабочка, постоянно находясь в движении, и жалить пчелой, неожиданно и резко, действуя с дальней позиции. Меч длинный, но явно тяжеловат. Панцирь слишком плотный, значит, не даст легким работать в полную силу. Попрыгает такой, поскачет и скоро выдохнется. Просто надо дать ему вымахаться, пускай он сам от себя устанет, от своей собственной суеты. Глухо защищаться и время от времени имитировать атаку, а потом, когда дыхание у противника собьется и силы будут уже не те, обрушиться на него всей мощью. Главное — уметь увидеть.

Воздух вокруг пирамиды словно загустел и заструился. Но не так, как это бывает в жаркий полдень, когда наступает час мыши, когда легкое марево крадучись поднимается по раскаленным камням, хотя и похоже. Здесь густой воздух стекал вниз, скользя по черным граням. Да и сами грани... Ну как сказать? Вот если клинок меча без обмана гладок и тверд, то это есть и никуда от этого не деться. А грани пирамиды, хотя и оставались гладкими, но, присмотревшись, можно было заметить, что они имеют как бы глубину. Ну, это словно смотреть в тазик для умывания, наполненный чистой водой. И дно его видно — вот оно, рукой можно достать, — но и поверхность воды тоже есть, которая создает другую реальность, второй слой. Вот именно — второй слой! Плюс к этому звук. Нет, его не слышно было, во всяком случае не ушами. Он будто в животе рождался. Такой низкий, монотонный, ни на что не похожий. Неживой. И еще стражники. Стоят поодаль, кажется, просто охраняют, а присмотреться — пальцы добела сжаты на древках копий, легкие круглые щиты судорожно прижаты к телу, будто перед схваткой, нерв-

но озираются, в лицах растерянность. Тоже что-то чувствуют, только не видят, потому что смотрят не туда.

Пацит чувствовал, что должно что-то произойти. Вот сейчас, сию минуту. Должно, но все никак не происходило. Он даже вспотел от напряжения. Ну?!

Да сколько же можно ждать!

Ощущение было такое, будто каждая его мышца вытянулась в тугую тетиву и его самого сейчас вместо стрелы выбросит с галереи. Он даже про властителя забыл. Где-то недалеко завывала собака, и он очнулся.

Ничего не произошло, все оставалось, как и было, даже гул этот противный все еще присутствовал в животе, где-то рядом со съеденным утром зажаренным на вертеле цыпленком, но он больше не завораживал Пацита, только немного раздражал, как что-то чужеродное, вроде выпитого накануне несвежего молока, от которого здоровый организм непременно хочет избавиться.

Он вопросительно посмотрел на властителя. Тот все еще смотрел вниз, но, почувствовав взгляд своего воина, повернул к нему голову, посмотрел несколько мгновений и кивком показал, что им нужно вернуться обратно в покои.

— Ну, видел? — спросил властитель, когда они оказались в полумраке комнаты, в которой, похоже, редко бывали люди.

— Да, господин.

— И что видел?

— Происходит великое моление, господин. За нашу победу, — поспешил уточнить Пацит.

— Молодец, — медленно проговорил властитель, глядя в угол, где горкой, один на другом, стояли обитые цветной кожей сундуки. — Я в тебе не ошибся. Сейчас пойдешь туда. — Маришит показал на маленькую дверцу в стене, едва заметную в полумраке. — Спустишься вниз и будешь ждать. Тебя никто не должен видеть. Скоро они выйдут. — Последовал кивок в сторону галереи, которую они покинули, и Пацит понял, что

властитель говорит о тех, о монахах в пирамиде, про которых в казарме тоже судачили, правда, предпочитали делать это шепотом. — Рассмотрись их. Запомнишь. Там есть такой, с блестящими глазами, шекастый. Его особенно запомни. Потом поднимешься сюда и будешь ждать. За тобой придут. Ни с кем не говори.

— Я понял, господин.

— Тогда иди.

Властитель похвалил его! Сам, лично! В радостном возбуждении, которое здесь не от кого было скрывать, Пакит спустился вниз по узкой, пахнувшей пылью лестнице, и оказался в еще одной галерее, узкой и низкой, прорезанной частыми снопиками света, растущими из овальных бойниц, таких маленьких, что голова не пролезет. Это было место для лучников. Когда-то давно эта часть дворца имела военное назначение, которое, впрочем, при необходимости всегда можно воскресить. Пока же бойницы выполняли роль вентиляционных отверстий.

Теперь он был невысоко над землей, немногим выше своего роста, и, выбрав позицию, мог хорошо разглядеть лица стражников. Впрочем, он и тогда, глядя сверху, их узнал.

Ждать пришлось долго. Ему, начинавшему службу с того, что вот так же стоял у ворот, дверей, кресла властителя, часто неподвижно и подолгу, было не привыкать ждать, но и он начал уставать. Стражники же откровенно маялись, часто подходили к стене дворца и, прислонившись, подолгу стояли так. Разнообразие пришло, точнее, прибежало в виде дворцового пса, забредшего сюда по недоразумению, потому что делать ему тут было решительно нечего. Сначала оживившиеся стражники попытались выгнать его криками и жестами, но рыжий с подпалинами пес то ли не понял, то ли воспринял это как игру и начал носиться по двору, уврачиваясь и часто останавливаясь, при этом заваливая голову набок и высывая длинный язык. Увидев бесполезность попыток удалить наглеца относительно мир-

ным способом, стража стала действовать решительнее, пустив в ход древки копий. Пес, получив пару чувствительных ударов в бок и шею, понял, что с ним не шутят, и, обиженно взвизгнув, рванул прочь, зажав хвост между ног.

Ожидание закончилось, когда на двор легли длинные вечерние тени. Раздался неясный шум, что-то вроде звука поцелуя, которым мать награждает подбежавшего к ней ребенка, после чего, к удивлению Пакиита, часть одной из граней пирамиды подалась вперед и поплыла наверх. Это было прямо перед ним, всего в двух десятках шагов, поэтому он все хорошо видел. Фигура в длинном, до земли, балахоне и просторном капюшоне, скрывающем лицо, шагнула наружу. Дворцовый воин попытался рассмотреть то, что было за его спиной, внутри пирамиды. Но там была только темнота, из которой следом за первым вышел второй, потом третий и четвертый. Их лица были скрыты капюшонами. И как тут разглядеть щекастого?

От волнения он даже пропустил момент, когда необычная дверь встала на место. Не то чтобы совсем не заметил, просто не обратил на это внимания, настолько его в этот момент интересовало другое.

У двоих в руках были небольшие сундучки непривычного вида, отблескивающие металлом. Но как заставить монахов открыть лица? Во всех рассказах про этих святош не было такого, чтобы они показывали лица. Точнее, про это вообще ничего не говорилось. Не открывали, но и не прятали.

Бойницы были очень маленькими, через каждую можно увидеть только очень небольшое пространство, поэтому, когда четверо тронулись, Пакииту пришлось перебегать от одного отверстия к другому, чтобы не упустить их из виду. При этом приходилось смотреть под ноги; на галерее, очевидно, очень редко посещаемой, было полно всякого мусора, в том числе старые балки, какие-то доски, кучки мусора. Попался даже

кошачий скелет. Так что двигаться приходилось осторожно.

Наконец он понял, куда идут четверо в лиловом. Они направлялись к двойным дверям, ведущим в Гостевой дом, названный так в те времена, когда во дворце еще останавливались купцы со своими караванами. Теперь торговцы всякого рода давно находят приют в других местах, но название осталось.

Судя по круглым отверстиям бойниц по фасаду, галерея шла и по Гостевому дому, но Пакит туда явно не успевал, ведь для того, чтобы оказаться перед четверкой, ему нужно было оббежать почти половину дворика, что, отбросив даже необходимость таиться, сделать было не так-то просто.

И вдруг он сообразил что делать.

Дворцовые воины, несущие ответственность за властителя и его семью, давно пользуются множеством уловок, облегчающих их службу.

Он прильнул к ближайшей бойнице. Стражников он не увидел, они для него сейчас находились в мертвой зоне, но знал, что они находятся совсем рядом. И тихонько, на грани слышимости, издал свист, для своих означающий «Внимание, опасность!».

Ни один опытный воин не оставит такой сигнал без внимания, а неумехам во дворце службу не доверяли, гоня новичков до тех пор, пока у них не выработаются нужные рефлексy. Если нет — отбраковывали. Иногда такие оказывались в ротах, но чаще — в отдаленных гарнизонах.

Пакит не ошибся. Мгновение спустя он услышал ляг берущегося на изготовление оружия. Не могли не слышать этого и монахи. Они обернулись с несвойственным для их рода занятий проворством. И — что удивило Пакита еще больше — сразу заняли боевую позицию, причем видно было, что трое защищают четвертого. В руках у них появилось непонятного вида оружие; то, что это именно оружие, Пакит не сомневался,

потому что обереги или другие предметы культа так не держат.

Теперь, когда для лучшего обзора, монахи скинули капюшоны, он отлично видел их лица, несмотря на то что на них падала тень. И главное — щекастого. Какого-то особенного блеска глаз у него Пацит не заметил, впрочем, скорее всего из-за тени, но щеки были действительно выдающимися. По крайней мере по сравнению с остальными тремя.

Отступив в тень галереи, он разглядывал и запоминал щекастого. Рост, ширину плеч, особенности фигуры, форму головы, рисунок лица. Этому обучают чуть не с первых дней службы: мало ли кого потребуется опознать дворцовому воину. Теперь он смог бы узнать щекастого в любом обличье.

Напряженное противостояние длилось недолго, едва ли кто успел бы досчитать до десяти. Видимо, стража, осмотревшись и поняв, что тревога ложная, опустила оружие. Следом и монахи, по своим ухваткам уж очень напоминавшие хорошо подготовленных бойцов, пятясь двойками и негромко перебрасываясь репликами на непонятном языке, отошли к дверям и скрылись за ними, плотно закрыв их за собой.

Пацит слышал, как стражники, находящиеся от него совсем близко, недовольно и недоуменно переговариваются между собой, решая, кто подал им сигнал. Он почти не сомневался, что сойдутся на том, будто их разыграл кто-нибудь из своих или же — такое тоже бывало — какой-нибудь командир из небольших проверил их готовность. Слушать их треп не было ни времени, ни желания. Как и прежде, крадучись, воин двинулся по галерее назад, внимательно глядя под ноги.

Вскоре Пацит был наверху и, подойдя к окну, сверху поглядел на пирамиду, которую уже целиком закрыла тень. Стражники внизу уже не разговаривали, разойдясь по разные стороны двора. Видимо, сошлись на том, что за ними присматривают, так что для себя же лучше изображать служебное рвение.

Ждать пришлось долго, но воин не страдал от этого. Ведь он не кого-то там ждет — самого властителя! А это стоит ожидания. Он думал о том, как же ему повезло. Ну кто он был? Неумытый мальчишка из семьи скотоводов. Если бы его не заметил вербовщик и не выкупил у родителей, так и ходил бы сейчас за быками и овцами, грязный и вонючий, не знающий ничего, кроме заботы о собственном пропитании, воюющий с волками и защищающий стада от кочевников. Как он тогда горевал! Плакал даже. Ведь и представить не мог, что через какое-то время он будет вот так, лицом к лицу, один на один, разговаривать с самим владыкой. Он теперь хорошо одевается, пусть не всегда вкусно, но сытно ест, у него много значительных друзей, он на виду у начальства, он общается с красивыми женщинами, он силен и здоров. И впереди у него все хорошо и ясно. Он давно уже почти не вспоминает той своей, прежней жизни. Ни к чему.

Он удивился, когда в комнате появился средний сын властителя. Удивился, но не показал этого; во дворце удивляться не принято. А он-то ждал властителя!

Вскочил с пола, на котором расположился у окна, на холодке, вытянулся и коротким рывком подбородка вниз обозначил приветствие.

Принц посмотрел на него с интересом, который с трудом проступал на его несколько одутловатом лице. Отпрыск властителя вел слишком, на взгляд Пакита, вольный образ жизни. Охота, гулянки, девки какие-то, пляски по ночам, дикие скачки по городским улицам. Впрочем, об этих своих соображениях он никому не говорил, но про себя считал, что иметь такого властителя он не хотел бы.

— Рассмотрел? — спросил, подойдя на расстояние вытянутой руки, принц Тари.

— Да.

Пусть не сам властитель, пусть только сын его, все равно это честь для дворцового воина. Знак внимания,

за который здесь, во дворце, порой глотки режут. А уж для иных — и о таком мечтать невозможно.

— Завтра я еду на юг. Поедешь со мной. — Принц помолчал, глядя прямо в глаза. Пауза получилась совсем небольшой, но за это время Пацит успел сообразить, что стоит за этими словами. На юге стояла армия непокорных и непредсказуемых горцев, и властитель решил отправить к ним своего сына на переговоры. — С нами будет тот, кого ты знаешь. На нас могут напасть лазутчики императора, которые его убьют. Если это случится, мой отец не хотел бы, чтобы хоть у кого-то возникли сомнения, чьих рук это дело. Ты понял меня?

— Я тебя очень хорошо понял, принц Тари.

— Я сказал «если». Это главное. Ко мне не приближаться, не заговаривать. Нужно будет, я сам тебя позову. А теперь иди готовься. Скоро тебе объявят, что ты едешь со мной.

Не успело еще солнце скрыться за городской стеной, как Пацита и еще нескольких воинов вызвал начальник стражи и объявил, что завтра рано утром они поедут сопровождать среднего принца. Кроме них отряжена еще полусотня армейской конницы, но они не должны забывать, что за безопасность принца отвечают именно дворцовые воины. Словом, обычный инструктаж, какой бывает каждый раз перед новым заданием. Слушая его, Пацит с трудом скрывал распирающее его ликование.

Выехали рано, еще до рассвета и жары. Еще до того, как раздался крик петуха на торговой площади. Голосистая птица орала до света, поднимая торговый люд на работу, чем немало досаждала дворцовым, но это было освящено традицией и указом каждого нового владыки. Третьего же дня одуревший от голода оборванец выкрал петуха. Оборванца нашли, били камнями до смерти, но просничего было не вернуть — голова свер-

Содержание

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА (выдержки).....	5
Глава 1	
ДВОРЕЦ.....	9
Глава 2	
ЭВАКУАЦИЯ.....	66
Глава 3	
ОБУЗА.....	91
Глава 4	
БОЕЦ.....	118
Глава 5	
СЕНСАЦИЯ.....	147
Глава 6	
ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....	190
Глава 7	
НОВОСТИ.....	209
Глава 8	
ПОИСК.....	231
Глава 9	
СХВАТКА.....	257
Глава 10	
ИСКУШЕНИЯ.....	292
Глава 11	
РАССЛЕДОВАНИЕ.....	346
Глава 12	
ПЕРЕГОВОРЫ.....	364
Глава 13	
ЖИВАЯ.....	370